

приятный, не утруждал себя проверкой и поиском всей необходимой информации о финансовой пирамиде, тот и прогорел, потерял все свои сбережения.

Очень часто в повседневной жизни можно встретить такие формулировки: “я не доверяю...” или “я не верю...” (что по сути одно и то же). Не доверяют очень многим вещам и особенно людям: президенту, правительству, соседям, той или иной марке, рекламе, банкам, представителям той или иной национальности, мужу/жене, родственникам, коллегам, начальству, бухгалтеру, который насчитывает зарплату и т.д.

Можно сказать, что в нашей стране сформировалась и существует своеобразная культура недоверия, которая нуждается в тщательном изучении. Исторически феномен недоверия рассматривался негативно. Неужели путь развития нашей страны настолько иной, что традиционное доверие не может “прижиться” в нашей стране? Или культура недоверия – это характеристика лишь переходного этапа, своеобразная защитная реакция, как для отдельного индивида, так и для отдельно взятых социальных групп? Не будет ли такое тотальное недоверие тормозить развитие нашей страны? А может быть уже тормозит, не даст окончательно выйти из кризиса?

Таким образом, сейчас нам необходима выработка теории социального недоверия, которая позволила бы нам, во-первых, разобраться с самим феноменом социального недоверия, а также изучить культуру социального недоверия, сложившуюся в нашем обществе, во-вторых, выявить историческое своеобразие проявления недоверия в современном российском обществе, и, в-третьих, определить функциональную необходимость существования данного феномена в нашем обществе и культуре.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Зинченко В. П. Психология доверия // *Философия, общество, культура*, 1998, №7, С. 7-15.
2. Кертман, Г. (2006) Межличностное доверие в России // *Социальная реальность*, №4, С. 23-32.
3. Скрипкина Т. П. (1999) Взаимодоверие как основание межличностных взаимодействий // *Вопросы психологии*, №5, С. 16-22.
4. Скрипкина Т. П. (2000) Психология доверия. М.
5. Травин Д. Очаги доверия в России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://yanko.lib.ru/books/cultur/fukuyama-doverie-a.htm> (16.03.2007).
6. Фукуяма Ф. (2004) Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М.

Ганьжун В.В., г. Екатеринбург

ГЕНЕЗИС «ЖИЛИЩНОГО НАЙМА» В ТЕОРИИ ЖИЛИЩНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Для разработки теории жилищных отношений значимо исследование генезиса жилищного найма: социальный процесс превращения дворохозяев в нанимателей жилья и квартиродателей жилья.

Современные правительственные программы РФ пытаются разрешить проблему «доступности» обеспечения жилищем. Конкретные варианты их проведения постоянно упираются в незнание наиболее общих вопросов теории и истории жилищных отношений. С другой стороны, современная практика кодификации жилищных отношений, привела не только к определённому Жилищному Кодексу РФ и предложений к его дополнениям-изменениям. Но и привела к теоретической дискуссии науки жилищного права. Отношения собственности на жильё, отношения найма жилья у разных видов собственников, отношения на праве социального найма жилья – стали ключевыми проблемами обсуждения. Без истории возникновения отношений жилищного найма эти темы не выяснить.

История жилищных отношений до жилищного найма показывает, прежде всего, что жилище являлось пространством для осуществления всей жизнедеятельности людей. В жилище проходило и вне рабочее время, и рабочее время человека.

Хотя вне жилых помещений осуществлялись некоторые работы и виды жизнедеятельности. Тем не менее. И для эпохи родоплеменных отношений, и для эпохи частной собственности жилище являлось помещением и рекреации организма, и производства благ. Так. Археологические данные по Скандинавии однозначно свидетельствуют об универсальности общинного жилья. Реконструкция жилищ показывает, что одни жильцы могли заниматься скотом, женщины печь хлеб, другие мужчины готовились к походам, а третьи тут же могли спать на полах вдоль стен помещения [1].

В древней Руси до самых петровских реформ люди работали там, где жили. Как двор сельского жителя имел помещения для стойла скота, хранения сырья, средств труда, места запаса корма скоту и для семьи, так и двор ремесленника содержал все необходимые для него условия производства: производственную печь, место обработки материала, помещения хранения сырья, заготовок, продукции, а также стойла для тягловых животных и места хранения кормов. «Древнейшие открытые раскопками усадьбы ремесленников относятся к 12 в. Одна из усадеб, лучше изученная археологами... Жилой дом стоял в глубине двора. Это был сравнительно небольшой сруб, размером всего 4 на 4 м, с глинобитной печью. Между хозяйственной постройкой и домом находилось рабочее помещение. Стены его были сделаны из вертикально вбитых жердей. В этом помещении был зольник, а по небольшому двору были разбросаны обрезки кожи, части обуви и т.п.» [2]. Пространственная и функциональная связь жизни и производства кожевника здесь очевидна.

На Урале эта черта жилища (эпохи до-модернизации) проявляется ещё нагляднее. Это дом-комплекс: все сооружения, и жилое здание, и производственные сооружения и хозяйственные постройки, имея свои двускатные крыши, - составляли единое покрытие. Это называется «дом под одним конём», где даже придомовая площадка, а уж тем более переходы к хозяйственным постройкам – всё накрыто кровлей. Вся постройка составляет единый комплекс избы, сарая и хлева. Жилая часть здесь даже потеряла своё главенствующее значение, зато дворовая – сильно развилась [3].

Помимо сооружений производственного назначения, связанного с ремеслом, во дворе возводилось значительное количество хозяйственных сооружений, самого различного назначения. «Это были клетки для хранения различного инвентаря, житницы, конюшни, хлева, сарай, навесы, поварни, копильни, погреб с наподтребницей, ледники и т.д. и т.п. Наибольшую группу составляют срубные клетки универсального назначения. В простейшем случае хозяйственная постройка представляет собой навес на столбах.» [4] Хозяйственные постройки с очевидностью свидетельствуют, что связи между производственными, хозяйственными и жилыми частями двора составляли определённую историческую форму жилища – двор натурального хозяйства. Так, русское население до самых буржуазных реформ жило там, где и работало: в усадьбе.

С развитием товарообмена производства специализируются, становятся эффективнее. И обособляются. С национальным рынком России 17 века общественное разделение труда довело сельскохозяйственные занятия горожан до минимума. Для их двора явно выражена тенденция к уменьшению числа дворовых построек. Собственно сельскохозяйственные постройки – снопусушильни, помещения для молотбы – становятся редкостью. Число хлевов, сараев, бань уменьшается. Из них, прежнее значение для двора сохраняют только погреб, конюшни, каретные сараи.

С другой стороны, появляется потребность во временном жилье. «На постоя» в жилые помещения дворовладельцев поселяют государевых, служивых людей. Приезжающим на ярмарки купцам сдают помещения по найму. Да и государственные чиновники уже снимают жилище по найму. Ещё для 17 в. документы сообщают о найме целой избы или части её (подклета, верхних помещений). Но это было не так распространено, на что указывает сложность оформления данной сделки. Для 18 в. генезис коммерческого найма жилья - уже налицо. Квартиростроителями были прежде всего городские чиновники с семьями. Переводы по службе не стимулировали приобретение ими домов в собственность. Но главное! Их производственное время уже перестало быть связано с натуральным обеспечением. Им не нужен был двор как производство. Было государево «ожалование» [5]

Особенно ярко проявлялся жилищный найм во время торговых дней. «Практически каждый дом в Ирбите возводился с учётом запросов ярмарки. Для двора типичен флигель. Даже домики на окраинах строились с расчётом на извлечение большей прибыли. Неказистая постройка, а непременно о двух уровнях, с полуподвалом. Сдавалось в наём решительно всё, что годилось, - дома, флигели и дворы. Хозяева с семьями на это время перебирались куда придётся: в каморки, кухни, прихожие, подвалы, даже в бани[6].»

Для 19 века «ожилё на квартире» становится распространённым. Поначалу в жилой наём были вовлечены бывшие части усадеб-дворов. Под временное помещение для чиновника, вообще для дворянина, дворовладельцы выделяют лучшие комнаты: светлицу, верхние этажи, спальни. «Дворянский или купеческий особняк превращался в доходный дом постепенно: раньше сдавались флигеля, потом и основные помещения. Для чего они разгораживались временными перегородками (обратимая планировка). Затем, если решили сделать особняк доходным домом навсегда, строили дополнительные капитальные стены. В 2-х этажном здании выгораживали 4 квартиры, в 3-х этажном доме - 6 квартир[7].»

Параллельно возникали временные помещения, постоянные дворы, гостиницы. Для ярмарочных городов стали возводить специальные здания с одинаковыми жилыми ячейками. Корреспондент из Ирбита сообщал в 1849 г, что там строят специально для сдачи в наём для ярмарки многокомнатные жилые дома. При этом каждая из комнат имеет отдельный выход на улицу, а также отдельные амбары и завозни для товаров.

Позже, в жилищный найм вовлеклась основная масса населения. Хозяева даже провинциальных населённых пунктов ориентировались на сдачу своих помещений жильцам. «Корреспондент Географического общества из г. Ядрига писал в 1853 г, что «во многих домах строят две избы: заднюю и переднюю, соединённую сенями, а у некоторых вместо передней избы отделяют чистые комнаты. Переднюю избу, чистые комнаты отдают на постоя, а заднюю избу оставляют для себя.» Очевидно, что именно ради жилищного найма, для привлечения жильцов дворовладельцы предлагали большую и более благоустроенную часть своих помещений. Из г. Суража подобный корреспондент сообщал, что «мещанский дом состоит из разделённых сенями светлицы, размером 6 на 6 м. и чёрной избы (5 на 5 м). Светлицу обычно сдают, а сами живут в чёрной избе.» [8]

Историки повседневности показывают, что в Москве половины 19 в. каждую осень возникал ажиотаж поиска «квартирь» теми москвичами, которые не имели здесь своей усадьбы. С развитием образования, государственной службы и промышленности спрос на «квартиру» возрастал.

В ответ стали возводиться специальные дома для сдачи жилья в наём - доходные дома. Характерной чертой таких домов исследователи считают наличие нескольких одинаковых ячеек - квартир. Это есть здание с ритмичным повторением однородных

жилых единиц. В жилую единицу входили жилая комната или спальня, гостиная, детская, коридоры; к каждой жилой ячейке вёл отдельный вход, к жилой ячейке относились складские помещения и места гигиены. Подобных домов с повторяющимися пролётами изб, позже кирпичных домов с 2, 3 этажами повторяющихся жилых ячеек, и до 6 этажей стали строить специально. «В 1894 г в столице насчитывалось 40 гостиниц и 209 домов с меблированными комнатами, которые пускали постояльцев на любой срок – от 1 ночи до нескольких лет.»[9] После, они только нарастали в своём увеличении количества квартир: как в длину, так и в высоту. Сам характер здания, в качестве повторяющихся ячеек, привел к тому, что новые здания стали тянуться вверх. «В 1874 г газеты возвестили о появлении первого пятиэтажного дома на Ильинке, а первое 8-ми этажное здание было названо небоскрёбом.» [10]

Таким образом новые жилищные отношения создали соответствующую себе форму жилища: многоячеековое жилое здание, дом со множеством одинаковых жилых ячеек. Многоэтажки не случайны. А есть выражение рыночных отношений. Выражение сдачи найма жилья.

Предпосылкой для возникновения новой формы жилища стало пространственное отделение производства от восстановления сил. Люди 19 в, от государственных служащих до чернорабочих, имели содержание от заработка. Не натуральное хозяйство, а деньги, в качестве универсальных представителей всех благ, стали основой жизнедеятельности. Поэтому производство людей происходило в стороне от дома – в конторе или на фабрике. Их рабочее время экономически отделилось от жилья. В жилье происходило лишь восстановление жизненных сил. И при простой физической регенерации, и в свободное время.

Таким образом жилище стало пространством для вне рабочего времени. Жилище отношений жилищного найма стало служить только для восстановления сил. Для будущего рабочего времени людей. Тем самым само жильё пространственно обособилось в помещение для вне рабочего времени.

Социологический подход к исследованию жилищных отношений раскрывает, что современные жилые здания – многоэтажки квартир – есть выражение исторически определённых отношений, отношений жилищного найма. Настрой некоторых архитекторов на малоэтажное жильё[11] ошибочен. Люди далее будут жить в многоэтажных домах. Многоэтажки не случайны. А есть выражение рыночных отношений.

Социологический подход, исследуя жилищные отношения через призму социальных категорий рабочее-вне рабочее время, раскрывает жильё в качестве предмета потребления людей. В этом аспекте жилище является атрибутом воспроизводства рабочей силы человека, его качеством жизни.

Этот подход, в отличие от исследований правоведов, находит своё место для понятия «жилищный найм». В теории жилищных отношений жилищный найм, прежде всего, объясняет историчность жилищных отношений. Смену определённых отношений, новыми жилищными отношениями. Во-вторых, исследование жилищного найма однозначно показывают, что исторические формы жилищ – не случайны. Форма жилого здания есть выражение жилищных отношений. Не произвол зодчих, а следствие действующих общественных отношений.

И главное. Исследование жилищного найма показывает не только историческую форму жилищ, но и их функцию. Жилище в своей развитой форме, в современной форме обособленных квартир, служит для восстановления жизненных сил человека. Является пространством его вне рабочего времени. «Требует специального анализа понятие восстановление. Ведь это регенерация, а она непреложна, необходима. Важной сферой

восстановления сил, поглощаемых трудом, является вне рабочее время. (Отметим, что восстановление сил осуществляется и в процессе самого труда и путём перемены труда.) В соответствующей деятельности во вне рабочее время происходит биологическая и физиологическая регенерация сил (сон, принятие пищи, личная гигиена). Восстановительный процесс в этой области характеризуется: во-1х, объективной необходимостью, во-2х, непосредственной реализацией, не допускающей сколь-нибудь продолжительного откладывания, в 3-х, невозможностью взаимозаменяемости, какой-то компенсации (сон нельзя заменить питанием, еду сном не заменишь), в 4-х, биологической природой процесса.»[12]

Юристы, как и некоторые политики, совершенно игнорируют эту непреложность жизнедеятельности людей. В этом смысле они не дооценивают значимость жилища как необходимости для человека. Только социологический подход ставит жилище на его место. В качестве необходимого жизненного средства. Как в качестве воспроизводства его рабочей силы, так и в качестве неотъемлемой части качества жизни.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Германцы. Иллюстрированная мировая история. М. 1999. – С.
2. Рабинович М. Г., Латышева Г. П. Из жизни древней Москвы. М. 1961. – С. 122.
3. Бубнов Е. Н. Русское деревянное зодчество Урала. М. 1988. – С. 58-107.
4. Древняя Русь. Город, замок, село. Археология СССР. М. 1985. – С. 154.
5. Генин В. Уральская переписка с Петром I и Екатериной I. Екатеринбург: 1995. – С. 21.
6. Уездные столицы. Екатеринбург: 2002. – С. 25.
7. Рабинович М. Г. Очерки материальной культуры русского феодального города. М. 1988. – С. 113.
8. Рабинович М. Г. Указ. соч. – С.98-102.
9. Российские столицы. Москва и Санкт-Петербург: Энциклопедия для детей. М. 2002 – С. 310-311.
10. Там же. – С. 86.
11. Лыкин С. М. Интрига жилища. Екатеринбург: 2006.
12. Орлов Г. П. Свободное время как социологическая категория. Свердловск. 1973. – С. 38.

Озорнина Ю.П., г. Екатеринбург

СОЦИАЛЬНАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ КАК ОБЪЕКТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Эффективность считается неперенным атрибутом деятельности управленческой системы. Как изменения в системе управления, так и создание теоретических моделей этих изменений, осуществляются с целью повышения эффективности. На государственном уровне особую роль играет оценка социальной эффективности, поскольку государственное управление проявляется на всех уровнях функционирования системы: от отдельной организации - до муниципального сообщества, от муниципального уровня - до регионального, от регионального - до социальной системы и ее политической организации - государства. На каждом из уровней эффективность измеряется общим и специальными критериями, характеризующими соотношение целей, затрат и результатов.

Целостность государства и единство общества — результат эффективного государственного управления, основа обеспечения их безопасности и условие достижения благосостояния народа, поэтому одним из наиболее значимых критериев эффективности системы государственного управления служит полнота реализаций функций. В то же время экономическая, политическая и социальная стабильность общества является одним из главных факторов, определяющих эффективность государственного управления. При отсутствии таковой государственным органам приходится затрачивать максимум усилий и ресурсов. В числе постоянно действующих факторов стабильности экономические, работающие на поддержание достаточного уровня благосостояния народа; соци-